ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 6 | 2026. Volume 19. Issue 6
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Авторская идентичность и субъектная организация в лирике Аделя Кутуя 1920-х гг.

Ибрагимов М. И.

Аннотация. Цель исследования – систематизация субъектных форм выражения авторского сознания в лирике Аделя Кутуя 1920-х гг. В статье проанализированы стихотворения Аделя Кутуя с точки зрения их субъектной организации. На основании проведенного анализа установлены конститутивные компоненты авторской самоидентификации: преобладание коллективной идентичности; противопоставление прошлого и настоящего; «Я» поэта как строителя новой жизни. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые авторская идентичность в лирике А. Кутуя рассматривается с точки зрения ее субъектной репрезентации. В результате исследования установлено, что в поэзии А. Кутуя 1920-х гг. лирический субъект манифестирует свой разрыв с дореволюционным прошлым, онтологически, социально и эстетически девальвирует его, идентифицирует себя как строителя новой жизни. В процессе анализа стихотворений выявлены субъектные формы, в том числе лирический герой, обладающий устойчивыми биографическими и мировоззренческими чертами. Определено, что в самоидентификации лирического субъекта в лирике А. Кутуя присутствует обусловленный влиянием футуризма радикализм по отношению к поэзии прошлого, который на рубеже 1920-1930-х гг. сменяется установкой на идеологическое встраивание писателей-классиков в современную действительность (стихотворение «Тукай янында» – «Рядом с Тукаем»).

EN

Authorial identity and subjective organization in Adel Kutuy's lyric poetry of the 1920s

M. I. Ibragimov

Abstract. The study aims to systematize the subjective forms of expressing authorial consciousness in Adel Kutuy's lyric poetry of the 1920s. The article analyzes Adel Kutuy's poems from the perspective of their subjective organization. Based on the conducted analysis, the constitutive components of authorial self-identification are established: the predominance of collective identity; the juxtaposition of the past and the present; and the poet's "Self" as a builder of a new life. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, authorial identity in A. Kutuy's lyric poetry is examined from the perspective of its subjective representation. The study establishes that in A. Kutuy's poetry of the 1920s, the lyric subject manifests a break with the pre-revolutionary past, devalues it ontologically, socially, and aesthetically, and identifies himself as a builder of a new life. In the course of analyzing the poems, subjective forms are identified, including a persona possessing stable biographical and worldview-related traits. It is determined that the self-identification of the lyric subject in A. Kutuy's lyric poetry features a futurism-influenced radicalism toward the poetry of the past, which at the turn of the 1920s-1930s was replaced by an orientation toward the ideological integration of classical writers into contemporary reality (as seen in the poem "Tukay yanynda" / "Beside Tukay").

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к проблеме идентичности. В отечественном литературоведении проблема идентичности преимущественно сопряжена с вопросом о национальном своеобразии литератур (Кормилов, 2007; Полякова, 2012; Султанов, 2007). Вместе с тем, по словам К. Султанова: «Идентичность при всей своей этнокультурной предзаданности трансформируется в формате творческой идентичности под воздействием запросов и вызовов современности, апеллирующей к культурным универсалиям» (2025, с. 139). Иначе говоря, в исследовании идентичности в литературе принципиально значимым становится изучение способов выражения авторской самоидентификации,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260276

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

не определяемой исключительно этническими детерминациями. «Термин “идентичность”, – пишет М. Абашева, – в отличие от более привычных в литературоведческом обиходе “самосознания”, “самоопределения” и т. п., фиксирует заостренно-отрефлексированные и символически маркированные моменты авторского самосознания в поисках самотождественности, его “кристаллизацию”. Главное же то, что категория персональной идентичности, примененная в филологическом исследовании, позволяет адекватно вписать литературоведческую проблематику в актуальный, обнимающий ее философский и культурологический контекст: ведь персональная идентичность, проявленная в художественно-дискурсивных практиках, формируется теми же процессами, что любая иная личностная идентичность, но процессами, претворенными в специфически художественном сознании» (2001, с. 10).

В современных исследованиях по авторской идентичности в качестве философско-теоретической основы часто используется понятие «нарративной идентичности», введенное французским философом П. Рикером (Тюпа, 2016; Султанов, 2025). Это понятие в большей степени релевантно повествовательным текстам, оно не используется в исследованиях авторской идентичности в лирике. Применительно к идентичности в лирике значимой является категория «автор». Исследование форм выражения авторского сознания – один из путей изучения идентичности в лирических текстах, позволяющих в том числе выделить типы авторского сознания. Так, в монографии Т. Л. Власенко (1998) «Литература как форма авторского сознания» выделяются исторические типы авторской идентичности: «Я» субъекта религиозного сознания, «Я» литератора, «Я» частного человека. С. Н. Руссова, исходя из того, что «образ автора, представление об авторе на всех уровнях коммуникации моделируется в зависимости от исторических, социальных, идеологических факторов» (2005, с. 28), выделяет следующие типы автора в лирике: автор-писарь, автор-пророк, автор-изгой, автор-художник, автор-ремесленник, автор – частный человек, автор-трикстер. Указанные типологии носят исторический характер. Иначе говоря, тот или иной тип авторской идентичности обусловлен историческим временем (эпохой) и характерными для него представлениями о сущности авторства.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

– установить формы субъектной организации стихотворений в лирике А. Кутуя 1920-х гг.;

– охарактеризовать субъекта сознания в лирике А. Кутуя указанного периода;

– проанализировать стихотворения, в которых автор идентифицирует себя как поэт, и определить авторское отношение к поэтическому творчеству.

Основными методами, использованными в статье, являются: метод субъектного анализа текста, благодаря которому выявлены субъектные формы выражения авторского сознания в поэзии А. Кутуя 1920-х гг.; типологический, позволяющий на основании анализа произведений поэта установить типы авторских самоидентификаций; системный, дающий возможность рассмотреть лирику А. Кутуя 1920-х гг. как систему субъектных форм выражения авторского сознания.

Материалом для исследования являются стихотворения А. Кутуя 1920-х гг., а также отдельные литературно-критические статьи поэта.

Теоретическую базу исследования составляют труды по теории автора и методологии субъектного анализа (Корман, 2006; Бройтман, 1997; Аминева, Мижит, 2021), на основании которых выявляются субъектные формы в поэзии А. Кутуя указанного периода; исследования, проблематизирующие вопрос об авторской идентичности (Абашева, 2001; Султанов, 2025).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных в нем результатов в разработке и преподавании курсов по истории татарской литературы, а также спецкурсов по проблемам авторского сознания и сопоставительного изучения литератур.

Обсуждение и результаты

В татарской литературе 1920-х гг. А. Кутуй, наряду с Х. Такташем, Х. Туфаном, К. Наджми, приобрел известность как поэт, увлеченный авангардистскими поисками новых форм, соответсвующих современной действительности. Эти поиски во многом были обусловлены влиянием русской авангардной поэзии (прежде всего футуризма), которую А. Кутуй, до приезда в Казань учившийся на литературно-художественном отделении социально-исторического факультета Самарского университета, а также посещавший в Самаре заседания организованного писателем Александром Неверовым литературного кружка, хорошо знал. Примечательно, например, что в опубликованной в журнале «Безнең юл» («Наш путь», 1926, № 6-7) статье «Сәләм сиңа, әдәбият кафедрасы!» («Привет тебе, кафедра литературы!»), в которой поэт наряду с любимыми им классиками русской литературы (Л. Толстым, М. Горьким, Ф. Достоевским, М. Лермонтовым) называет оказавших, по словам самого писателя, влияние на его собственное поэтическое творчество современных поэтов (Н. Асеева, В. Маяковского, А. Неверова, М. Герасимова), он заявляет: «Я ищу новые живые корни “погасшего” футуризма» (Кутуй, 1957, с. 14).

Увлечение ряда татарских поэтов авангардом было непродолжительным. Во второй половине 1920-х гг., вследствие утверждения идеи пролетарской литературы, оно начинает критиковаться как эпигонское: «Существовавшие в русской литературе приемы “футуризма”, “ЛЕФа”, “имажинизма”, хотя и стремились внести изменения (если в татарской печати они и были, то носили поверхностный характер), но нигде не проявили хоть сколь-нибудь заметного новаторства» (Сайфи-Казанлы, 1930, с. 44).

Первый опубликованный в 1924 году сборник из 21 стихотворения А. Кутуя «Көннәр йөгергәндә» («В беге дней») свидетельствует о влиянии футуризма. Вошедшие в этот сборник стихи различной тематики были объединены общей идеей отрицания старой жизни и строительства новой, основывающейся на идеалах революционного преобразования мира.

Единство сборнику придает и общность субъекта сознания, открыто и с вызовом манифестирующего разрыв с прошлой жизнью. Так, в стихотворении «Көннәр йөгергәндә» («В беге дней») субъект речи девальвирует кровную связь с самыми родными людьми – отцом и матерью:

Анам үлде.
Үлгән чакта мин юк идем.
– *Яшә, улым, –*
Димәде.
Димәсә... ни?
Кимәсәм... ни?
Чәнчелсеннәр
(Фатыймалар һәм Һавасы)
Барысы бергә иске кешеләр!
Минем анам-атам (Кутуй, 1924, с. 4). /
Моя мама умерла.
Когда она умирала, меня не было рядом.
Она не сказала мне:
– Живи, сынок.
Ну и что, оттого что не скажет?
Ну и что, оттого, что я не надену?
Пусть сгинут
(Фатима и Ева)
Все вместе – старые люди!
Мои отец и мать (здесь и далее подстрочный перевод наш. – *М. И.*).

На уровне художественного времени отрицание прошлого реализуется как мотив уходящей и вновь обретаемой молодости:

Яшьлек – балык,
Зур диңгезгә чумып китте,
Аны
Алар куырып ашады.
Без турадык (Кутуй, 1924, с. 5). /
Молодость – рыба,
Нырнула в большое море,
Ее
Они (бегущие дни. – *М. И.*), обглодав, съели.
Мы крошили.

Лирический субъект выступает в стихотворении как своего рода демиург, который творит новую жизнь:

Миңа хәзер
Зур егерме.
Урамнарда
Яңа көннәр эшләп
Шомартам (Кутуй, 1924, с. 5). /
Мне сейчас
Уже за двадцать.
На улицах
Производя новые дни,
Я их отшлифовываю.

Здесь пространство лирического субъекта урбанизировано (на это указывает образ городских улиц). Урбанизм как часть авторской самоидентификации еще более очевиден в стихотворении «Мин шәһәрләр кияве» («Я жених городов»), лирический герой которого уходит из родных мест в город и идентифицирует себя как сватающегося жениха:

Исәнме,
Син
Батыр шәһәр?
Килдем
Сиңа
Өйләнергә...
Җә,
Барамсың? (Кутуй, 1924, с. 13). /

Как поживаешь,
Город-батыр?
Я пришел
На тебе
Жениться...
Скажи,
Выйдешь за меня?

В обоих стихотворениях дается краткая биография субъекта речи, что позволяет говорить о них как о произведениях с лирическим героем, для которых характерна проявленность бытового, житейского, биографического облика (Корман, 2006, с. 314-315). В стихотворении «В беге дней» субъект речи также кратко «повествует» о своей биографии:

Көннәр йөгергәндә
Кояш белән бергә,
Туып
17 көн
Күлмәк кимәдем.
Анам үлде.
Үлгән чакта мин юк идем,
– Яшә, улым, –
Димәде (Кутуй, 1924, с. 4). /
Родившись,
Когда дни бежали
Вслед за солнцем,
17 дней
Я не надевал рубашки.
Моя мама умерла.
Когла она умирала, меня не было рядом.
Она не сказала мне:
– Живи, сынок.

Характерные для футуризма литературный эпатаж и девальвация устоявшейся системы ценностей определяют содержание стихотворения «Җан сатам» («Продаю душу»). Центральным здесь становится образ лирического субъекта, торгующего на базаре собственной душой. Автор нарочито девальвирует то, что в традиционной религиозной картине мира является одним из самых ценных для мусульманина – душу. Завершающие стихотворение строки – *«Җан сатам. / Бер сугуда синеке була, / Мирас булмас, / Юк итәм...»* («Продаю душу, / Отдам не торгуясь, / Не будет наследием, / Покончу (с душой. – *М. И.*)») – звучат как вызов современному обществу.

Важной частью авторской самоидентификации в сборнике «В беге дней» становится выражение отношения к поэтическому искусству. И здесь имеет место отмежевание от искусства и поэзии прошлых лет, о чем, в частности, свидетельствует стихотворение «Тимер чәчәкләрдән...» («Из железных цветов...»). Вынесенный в заглавие образ железных цветов релевантен семиозису пролеткультовской поэзии (см. одноименное стихотворение одного из ее лидеров – Михаила Герасимова), в которой железо выступает как своего рода символ труда пролетария. У А. Кутуя этот образ становится семантически более емким: железо выступает как некая основа физического и духовного бытия человека:

Тимер.
Тимердә җан!
Тимердә кан!
Тимердә
Ант
Һәм
Иман!
Тимер.
Тимердә – тел!
Тимердә җир! (1924, с. 19). /
Железо.
В железе душа!
В железе кровь!
В железе
Клятва
И
Вера!
Железо.
В железе – язык!
В железе земля!

Во второй части стихотворения лирический субъект заявляет о своем намерении воздвигнуть памятник рабочему. Возвеличивая пролетария, он одновременно высказывает свое отношеение к искусству прошлых лет:

Килмә,
Рәссам!
Килмә, эшсез шашкан
Иске шагыйрь!
Бу һәйкәлгә
Шомартулар кирәкми (Кутуй, 1924, с. 20). /
Не подходи,
Художник!
Не подходи, обезумевший от безделья
Старый поэт!
Этому памятнику
Не требуется огранка.

Свое понимание сущности поэзии А. Кутуй высказывает и в стихотворении «Татар шагыйрьләренең кулак базына» («Кулацкому погребу татарских поэтов»). Идентичность лирического субъекта строится в нем через отрицание романтической поэзии:

Сезгә
«Зәңгәр күзләр»,
«Гайшәм»,
«Танго»,
«Тәти җегет».
Ә
Миңа алар тар!
…
«Кабил – Хабил»,
«Зәһрә – Таһир»,
«Ләйлә – Мәҗнүн»…
Тагын шундый
Санап бетергесез «хан кызлары»…
Җә, әйтегез, кемгә кирәк?
Барысын пичлә! (Кутуй, 1924, с. 52-53). /
Вам
«Голубые глаза»,
«Моя Айша»,
«Танго»,
«Красивый парень».
А мне
Они узки!
…
«Кабиль – Хабиль»,
«Зухра – Тагир»,
«Лейла – Меджнун»…
Не пересчесть
Таких «ханских дочерей»…
Ну, скажите, кому они нужны?
Бросай всех в огонь!

В противоположность поэтам, воспевающим любовь, лирический субъект видит предназначение поэтического творчества в прославлении новых людей:

Сез бирегез безгә
Бүгенгене һәм «иртәгә»
Үзгәртелгән «яңа» кешеләр.
Бирә алмыйсыз?!.
Ул вакытта –
Без командир.
Заводларга, сул белән! (Кутуй, 1924, с. 54). /
Вы дайте нам
Сегодня и «завтра»
Измененных «новых» людей,

Не можете?!.
В таком случае –
Мы командиры.
Идите на заводы!

Отрицание «вечных тем» поэзии, как известно, было характерно и для русского футуризма, который с момента своего зарождения манифестировал разрыв с искусством прошлых лет. У А. Кутуя критический пафос направлен не столько против предшественников, сколько против современников (в первую очередь, Х. Такташа, произведения которого указаны в ряду перечисляемых стихотворений любовной тематики). В названии стихотворения присутствует классовый маркер – «кулацкий». Классовая идентичность со второй половины 1920-х гг. становится одной из доминант в татарской поэзии. Это отличает ее от поэзии начала XX века, в которой преобладала национальная идентичность. Примечательно входящее в сборник стихов А. Кутуя стихотворение «Көнгә бәреп» («Ударив по дню»), в котором открыто декларируется приоритет классовой идентичности:

Көнгә бәреп
Тормышны күр,
Тормышны төз!
(«Халык» сүзен калдыр)
Туктат –
Хәзер «сыйныф!»
Менә бу
Сиңа тимер сүз (1924, с. 51). /
Нанося удары по дню,
Проживай жизнь,
Строй жизнь!
(Оставь слово «народ»)
Стоп –
Сейчас «класс!»
Вот оно
Тебе железное слово.

Наряду с этим в первом сборнике стихов А. Кутуя есть стихотворения с коллективной идентичностью, в которых автор идентифицирует себя как отрицающий все ценности прошлого представитель масс, что находит отражение и в субъектной организации: в стихотворениях «Пионер маршы» («Марш пионеров»), «Җырларыбыз» («Наши песни»), «Атла, динсез!» («Шагай, безбожник!») имеет место характерная для поэзии 1920-1930-х гг. субъектная форма, выражаемая посредством местоимения «без» (мы).

Например, в произведении «Шагай, безбожник!» субъект речи (коллективное «мы») аксиологически разделяет людей прошлого, носителей религиозного сознания, и современную атеистически настроенную молодежь:

Алла… Корьән…
Мәсҗет… Мулла…
Өчен
Надан картлар,
Байбәтчәләр.
Без комсомоллар өчен:
Белем!
Райком!
Клуб! (Кутуй, 1924, с. 42). /
Аллах… Коран…
Мечеть… Мулла…
Для
Стариков-невежд,
Байских сынков.
Для нас комсомольцев:
Знание!
Райком!
Клуб!

Среди созданных в конце 1920-х гг. стихотворений А. Кутуя особый интерес вызывает «Тукай янында» («Рядом с Тукаем», 1929), написанное в то время, когда некоторые критики обвиняли Г. Тукая в религиозности, мелкобуржуазности, национализме. За год до написания этого стихотворения А. Кутуй опубликовал в журнале «Безнең юл» («Наш путь», 1928, № 2) статью «Рус әдәбиятының Г. Тукайга тәэсире» («Влияние русской литературы на Г. Тукая»). Определяя во вступительной части статьи формы межлитературных взаимодействий – *тәкълит* (подражание), *үзләштерү* (освоение), *файдалану* (использование), – А. Кутуй пишет о том, что благодаря русской поэзии менялся (становился демократичным, народным) язык татарского поэта: «Как только Тукай “ухватился” за русскую литературу, он и в своих переводах, и в оригинальных произведениях очень быстро изменил свой

язык и стиль. Повернулся в сторону народа. Освободившись от турецкого влияния, устремился к русской литературе» (1957, с. 22). Автор статьи указывает на творческий, диалогический характер рецепции Г. Тукаем русской литературы: «Тукай не подражал ни одному русскому писателю – скорее, он выбирал из русской литературы только то, что было близко его духу, жизни татар, пропустив это через свои чувства» (Кутуй, 1957, с. 22).

Лирический сюжет стихотворения «Тукай янында» основывается на мотиве встречи двух поэтов: один из них – субъект речи; другой – Г. Тукай. Встреча происходит на татарском кладбище в Казани, где похоронен Г. Тукай и многие выдающиеся деятели татарской литературы и культуры.

Большая часть стихотворения – диалог поэтов: субъект речи – молодой поэт – отвечает на вопросы знаменитого собрата по перу о литературной жизни. Из реплик диалога становится известно о судьбах татарских писателей: смерти Фатиха Амирхана (могила скончавшегося в 1926 году известного татарского прозаика расположена недалеко от могилы Г. Тукая), Гаяза Исхаки (писатель, общественно-политический деятель, Г. Исхаки в 1919 году эмигрировал из страны), Галимджана Ибрагимова (в 1928 году литературная общественность Татарстана торжественно отметила 20-летие литературной деятельности писателя и ученого). Автор, в частности, отмежевывает Г. Тукая от Г. Исхаки, маркируя негативное отношение к последнему:

Ни әйтсәң дә, мин зур йолдыз...
Гаязлар күк пыскып янмадым,
Керләнеп беттем яңа өчен,
Әмма вә ләкин качмадым (Кутуй, 2003, с. 231). /
Что ни говори – я большая звезда…
Не тлел, подобно гаязам,
Я покрылся грязью ради новой жизни,
Но не сбежал.

В двуголосом стихотворении выражено стремление автора встроить Г. Тукая в контекст современной жизни. Отсюда – партийный маркер «большевистская Казань», соседствующий с узнаваемыми тукаевскими строками из стихотворения «Пар ат» («Пара лошадей»):

– *Кара, – дидем, –*
Кара, Тукай, большевиклы яңа Казанга (Кутуй, 2003, с. 332). /
Смотри, – говорю –
Смотри, Тукай, на большевистскую новую Казань.

Таким образом, авторское самоопределение в стихотворении имеет дивергентно-конвергентный характер: субъект речи, с одной стороны, отмежевывается от писателей, которые после революции 1917 года отлучаются от национальной литературы (Г. Исхаки); с другой, объявляет себя собратом по перу с Г. Тукаем и включает последнего в число поэтов, чье творчество не противоречит новым идеалам.

Заключение

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы:

1. В лирике А. Кутуя 1920-х гг. представлены стихотворения с разными формами субъектной организации. В первой книге стихов поэта «В беге дней» есть стихотворения с лирическим героем («Көннәр йөгергәндә», «Мин шәһәрләр кияве»), для которых характерна известная степень определенности биографии лирического субъекта. Наряду с этим в сборнике представлены произведения с коллективным субъектом речи, когда автор выступает от лица социально маркированной группы (как представитель масс, ниспровергающий устои и ценности старого мира): «Пионер маршы» («Марш пионеров»), «Җырларыбыз» («Наши песни»), «Атла, динсез!» («Шагай, безбожник!»).
2. Под влиянием футуризма в поэзии А. Кутуя 1920-х гг. лирический субъект идентифицирует себя как человек (поэт), отрицающий прошлое, бросающий ему вызов («Җан сатам» – «Продаю душу»), провозглашающий новую эстетику («Тимер чәчәкләрдән…» – «Из железных цветов…»).
3. В стихотворениях, в которых лирический субъект выступает как поэт, выражено соответствующее духу времени отношение к поэзии. Отрицая «вечные темы» (в частности, тему любви), автор видит предназначение поэтического искусства в возвеличивании строителей новой жизни и критикует современных поэтов (в частности, Хади Такташа) за их романтизм («Татар шагыйрьләренең кулак базына» – «Кулацкому погребу татарских поэтов»). Вместе с тем А. Кутуй не проявляет характерного для ряда татарских поэтов и критиков радикализма по отношению к поэтическому наследию Г. Тукая, а встраивает его в новую действительность («Тукай янында» – «Рядом с Тукаем»).

Перспективы исследования связаны с расширением круга исследуемых авторов, поэтов, творивших в 1920-е годы, что позволит создать целостную картину развития авторского сознания в указанный период истории татарской литературы.

Материалы исследования | Research materials

1. Кутуй Г. Көннәр йөгергәндә. Казан: Татарстан матбугаты һәм нәшрияты комбинаты нәшере, 1924.
2. Кутуй Г. Публицистика. Казан: Матур әдәбият редакциясе, 1957.
3. Кутуй Г. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар китап нәшрияте, 2003.
4. Сайфи-Казанлы Ф. Аклык кирәк // Яңалиф. 1930. № 2.

Источники | References

1. Абашева М. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001.
2. Аминева В. Р., Мижит Л. С. Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970-1990-х гг. // Новые исследования Тувы. 2021. № 1.
3. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997.
4. Власенко Т. Л. Литература как форма авторского сознания: учебное пособие. Изд-е 2-е, доп. Ижевск, 1998.
5. Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е. А. Подшивалова, Н. А. Ремизова, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006.
6. Кормилов С. И. Своеобразие русской литературы и проблема ее национальной идентичности // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. № 1-2.
7. Полякова Л. В. Проблемная ситуация в современной литературоведческой терминологии: «национальная идентичность» // Вестник Тамбовского государственного университета. 2012. Вып. 2 (106).
8. Руссова С. Н. Автор и лирический текст. М.: Знак, 2005.
9. Султанов К. К. Эволюция и традиция: от «младописьменной» литературы к нарративной идентичности. М.: Институт мировой литературы Российской академии наук, 2025.
10. Султанов К. От дома к миру: этнонациональная идентичность и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007.
11. Тюпа В. И. Нарративная идентичность: характер и самость // Белые чтения: к 85-летию Галины Андреевны Белой: сборник научных статей. М.: Эдитус, 2016.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью их стимулирования к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение № 5/2025 – ПД).

EN This publication was supported by a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to researchers and educators of separate structural divisions of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to incentivize the defense of doctoral dissertations and the conduct of scientific research (Agreement No. 5/2025 – ПД).

Информация об авторах | Author information

RU **Ибрагимов Марсель Ильдарович**[1], к. филол. н., доц.
[1] Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

EN **Marcel Ildarovich Ibragimov**[1], PhD
[1] G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

[1] *mibragimov1000@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.03.2026; опубликовано online (published online): 02.06.2026.

Ключевые слова (keywords): Адель Кутуй; татарская поэзия; 1920-е гг; субъектные формы; лирический герой; идентичность; футуризм; Adel Kutuy; Tatar poetry; 1920s; subjective forms; persona; identity; futurism.